

УДК 165

ПРОБЛЕМА НЕЗНАНИЯ

В.Б. Гухман

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Проблема усматривается в том, что знание пребывает в сфере объясняемых явленных фактов, а незнание – в сфере не понимаемых латентных истин. Непонимание истин – важнейший источник незнания и иллюзорности знания. Другие источники незнания: бессилие познать самих себя и то, что не нашего ума дело; непонимание и игнорирование идеального (виртуального) начала в материальной природе и его информационных возможностей, мифологий и Священных Писаний, редких явлений; языковая неграмотность и краткость жизни. Незнание – вечный враг знания, победа над этим врагом недостижима и противопоказана знанию. Знание должно мирно сосуществовать с незнанием как с неизбежностью, приносящей не только вред, но и пользу: стимулирование познания и творчества, защиту от опасных знаний, толерантность к слепой вере.

Ключевые слова: *незнание, знание, истина, понимание, творчество, виртуальность, идеальное.*

Чем больше мы познаём, чем лучше осваиваем познанное, тем лучше понимаем ограниченность нашего знания и неограниченность непознанного, будь то непознанные тайны совокупной природы или отдельно взятого человека (даже, казалось бы, хорошо нам знакомого). Успехи современной науки и техники непроизвольно инициируют эйфорию успешности познания сейчас и в будущем. Но чем шире сфера знания, тем неограниченнее представляется область незнания, подобно тому, как с раздуванием воздушного шара увеличивается его поверхность, граничащая с внешним пространством, объём которого неизмеримо больше объёма шара. Последний, кстати, может лопнуть или сдуться, как и «шарик знания». И так было во все времена¹. Поэтому проблема незнания, по-видимому, не исчезнет никогда, а, наоборот, будет только усугубляться.

1. О терминологии

Познавая, наше мышление попутно привносит много путаницы в процесс познания и его понятийный аппарат. Так, мы часто путаем понятия эрудиция и знание, правда и истина, объяснение и понимание, интеллект и разум.

Эрудиция свидетельствует о хорошей фактологической памяти человека, о богатом информационном наполнении этой памяти различными сведениями

---

¹ Делать научные прогнозы на основе якобы познанных основ всегда опасно. Достаточно вспомнить ошибочный прогноз У. Томсона (лорда Кельвина), сделанный им в конце XIX в. о судьбе физики, на «безоблачном горизонте» которой, по его мнению, остались всего два жалких «облачка». Уже в начале XX в. из одного «облачка» родилась теория относительности, из другого – квантовая механика, в корне перевернувшие устоявшиеся представления о физической картине, казалось бы, познанного мира.

ями и об удачном нейрофизиологическом механизме поиска нужной информации. И не более того! В терминах информационно-компьютерных технологий (ИКТ) эрудиция в приведённом смысле равноценна достаточно объёмной долговременной памяти компьютера *плюс* богатому списку помещённых в неё файлов *плюс* надёжной поисковой программе (макросу) файлового монитора. Так что понятие эрудиции роднит человека с машиной.

Учитывая непрекращающийся прогресс ИКТ на фоне неощутимого прогресса мозга, «машинная эрудиция», подпитываемая базами данных сетевых технологий, подобных Интернету, в обозримом будущем безвозвратно опередит любую индивидуальную эрудицию человека. В машине для её творца – человека – нет тайн; соответственно, и в машинно-подобной эрудиции – тоже. Поэтому проблема эрудиции, если она (проблема) и существует, не содержит в себе, на мой взгляд, ничего таинственного и неожиданного.

Знание – итог работы «алгоритма познания», заложенного (кем/чем?) в мозг. Эта работа состоит в установлении родственных (корреляционных) связей между «компектующими» информационными элементами памяти. Если между некоторыми элементами установились «близкие родственные» отношения, элементы объединяются в «семью», которая образует частный фрагмент общего (коллективного) знания. В итоге наше знание становится фрагментарным. Скорей всего, ни один человек, даже самый знающий, не знает всех возможных фрагментов знания, накопленного человечеством. Фрагменты знания рассеяны, во-первых, между людьми согласно их индивидуальным интересам и потребностям, которые, в свою очередь, накладывают психологические ограничения на индивидуальные алгоритмы познания. Во-вторых, фрагменты знания рассеяны в многочисленных письменных и электронных источниках (хранилищах), созданных всё теми же фрагментарно знающими людьми.

Алгоритм познания – одна из труднопреодолимых проблем искусственного интеллекта. Известные ассоциативные, структурные и адаптивные алгоритмы лишь отчасти помогают в решении задач распознавания образов и идентификации систем, экспертных оценок и логического вывода (при доказательстве математических теорем, решении шахматных и им подобных задач), в компьютеризованных играх и тренажёрах. Этого слишком мало для машинной организации даже подобия знания. Ведь грудной ребёнок узнаёт (знает) свою маму не в пример лучше любого известного машинного алгоритма распознавания образов, придуманного взрослыми интеллектуалами. Опытный врач по симптоматике идентифицирует болезнь лучше любого машинного алгоритма идентификации. Что уж говорить о машинном знании окружающего мира (включая знание человека)?!

«Что есть *истина*?» На этот философский вопрос «с бородой» впервые ответил Парменид (VI–V вв. до н.э.), считавший, что истина есть тождество мышления и бытия. Для Платона истина – сверхэмпирическая идея, для Аристотеля – соответствие вещей и разума. С различными нюансами подобные определения истины прошли через всю историю философии вплоть до современного постмодернизма. Автор представляет себе истину в аллегорической форме манящего перста несбыточной мечты, ибо истина, в моём понимании, есть скрытая, недоступная сущность познаваемого, идеал, прячущийся за вечно недостижимым горизонтом или в недостижимых глубинах. Но наши сужде-

ния, в лучшем случае, – жалкие копии скрытых от нас созданий природы; поэтому желаемое соответствие недостижимо.

Правда факта отвечает на вопрос «что произошло в действительности?», а истина – на вопрос «что произошло на самом деле?». Например, в действительности стрелка прибора остановилась на некотором делении шкалы. Это та опытная правда, которую нельзя отрицать. А на самом деле произошло некоторое проявление истины (физической, химической, психологической или др.), о которой правда действительности свидетельствует лишь косвенно. Углубляться в истинное происхождение действительного результата эксперимента наука может только теоретически (догадки, гипотезы, иногда косвенно подтверждаемые правдой опыта, иногда – нет). Непосредственно же истина не подвластна материальным приборам и органам чувств экспериментаторов (в отличие от правды опыта), возможно, потому, что природа истины нематериальна. Проблема отношения «правда–истина» давно известна в философии в разных ипостасях: «вещь для нас – вещь сама по себе», «бытие вне нас – бытие в нас», «материализм – эмпириокритицизм», «материализм – идеализм» и др. Не настаивая на своей точке зрения, полагаю, что незнание скрытых идеальных истин (платоновских идей) и знание явленных материальных правд всегда сосуществуют, нравятся это кому-то или нет.

Кроме того, сам образ рационального логико-математического мышления (даже теоретического), свойственного большинству современных учёных, не способен дать ответ на сакраментальный вопрос «что есть истина?». Ведь формальная логика, восходящая к Аристотелю, дискретна, как и математическая (компьютерная) логика, восходящая к Дж. Булю. На любой вопрос, поставленный человеком или компьютерной программой, от современной дискретной логики ожидается ответ либо положительный «да – истина», либо отрицательный «нет – ложь». Но между этими двумя дискретами – множество промежуточных ответов-нюансировок, ускользающих, непознанных и, возможно, наиболее близких к искомой истине². Требуется переориентация познающего мышления естественного и искусственного интеллектов с формальной двоичной (двузначной) логики «истина–ложь» на альтернативные логики: *формальные* – нечёткую логику Л. Заде, многозначную и непрерывную (вероятностную) логику; *неформальные* – парадоксальную логику Лао-цзы и Гераклита, индуктивную (Ф. Бэкон) и дедуктивную (Р. Декарт) логику, трансцендентальную логику И. Канта, диалектическую логику Г. Гегеля; наконец, настоятельно требуется диалог (полилог) всех логик.

В свою очередь, математика (даже континуальная, оперирующая непрерывными величинами) абстрактна, гипотетична и субъективна в той же мере, что и теоретизирующие естествоиспытатели, которые в лучшем случае предлагают очередные математические модели исследуемых предметов и явлений, выдаваемые ими за «истины в последней инстанции». Но от любой математически абстрагированной модели истины нельзя ожидать большего, чем может дать модель, подобно тому, как от модели каравая не откусить вкусную горбушку. Сама истина остаётся недоступной, а значит, и непознанной.

---

² Любая дискретная логика, лежащая в основаниях абстрактно-логического рассудочного дискурса, похожа на крупноячеистую рыбацкую сеть, в которую попадает крупная «когнитивная рыба», но благополучно ускользает «когнитивная мелочь».

Истины «стыдливо» приоткрываются (но не открываются) немногим обладателям богатой интуиции в минуты высочайшего духовного подъёма, сопровождаемого вдохновением и озарением. Примеры: философская поэма «О природе вещей» римлянина Лукреция, научно-философская поэма в прозе «Эврика (опыт вещественной и духовной Вселенной)» Эдгара По; поэтико-философские откровения Данте Алигьери, В. Шекспира, И. Гёте, Ф.И. Тютчева, Б.Л. Пастернака, И.А. Бродского, периодическая таблица элементов Д.И. Менделеева; частная и общая теории относительности А. Эйнштейна и др. Поэзия с её мировосприятием в виде образов (а не символов, как в математике) и алогичным, иррациональным типом мышления (вкуче с музыкой – вспомним «музыку сфер» Пифагора) часто оказывается ближе к познанию истин, нежели рациональная наука. Символично, что древнегреческая Каллиопа – синтетическая муза эпической поэзии, философии и науки. Не исключено, что такой вненаучный, интуитивный, опозитизированный способ познания истины может граничить с безумием. Никто из современников не знает, правы ли такие претенденты на истину. Как правило, их правота может обнаружиться не сразу.

Отношение «правда–истина» жёстко коррелировано с отношением «объяснение–понимание», где *объяснение* производится *извне* объясняемых предметов и явлений, а их *понимание* – только *изнутри*. Например, нельзя понять человека, пытаясь объяснить его поступки. Надо, образно говоря, «слиться» с человеком (душой, образом мышления, чувствами), чтобы потом изнутри понять его (в расхожем понимании «войти в его положение»). Без такого слияния ни одного человека понять, а значит, и познать невозможно.

В целом, мы не понимаем того, что якобы знаем и можем объяснить. Поэтому наше знание всегда иллюзорно, не истинно, доступно для критики и пересмотра. Но, даже не понимая своего знания, мы знаем, как им пользоваться в действительности – электричеством и другими энергетическими источниками, полезными ископаемыми, законами природы. Практическая польза – несомненное достоинство знания. Но и только!

Интеллект – степень умственного (мыслительного) развития, понятие, тождественное понятиям *рассудка* и *ума*.

Разум – более общее понятие, включающее в себя интеллект плюс *чувство* (интуицию, эстетические творческие способности) и определяющее когнитивные возможности. Поскольку алгоритмы понимания и познания пока недоступны для компьютеризованного искусственного интеллекта, сейчас и в обозримом будущем человеку придётся рассчитывать только на свой разум, не надеясь на искусственный интеллект (рассудок).

Абстрактно-логический рассудок ограничен в когнитивных возможностях, ибо в его основе – дискретные информационные процессы, происходящие, в основном, в левом полушарии мозга, которое отвечает за абстрактно-логическое мышление и не способно адекватно познать континуальный мир. В формировании рассудочного знания практически мало участвует правое полушарие мозга, отвечающее за образное восприятие мира через синтез всех чувств, интуицию, подсознание (то, что выше названо чувством)³. Разум объединяет все когнитивные способности человека (двуполушарное мышление и

---

³ «Ум с сердцем не в ладу» (известная поговорка).

познание), и в этом смысле «разумное знание» представляется наиболее целостным и ценным.

Выводы:

- все понимаемые истины латентны и недоступны интеллекту; доступны, в лучшем случае, лишь правды фактов, свершившихся в действительности;

- то, что мы называем знанием, зиждется на поверхностном объяснении действительности, а не на глубоком понимании истин, поэтому знание не может быть истинным;

- чем больше мы познаём, созидавая островки знания, тем больше вынуждены изумляться безграничности лежащего вокруг них таинственного океана незнания.

Проблема незнания – вызов человеку, его неизбывной гордыне и самолюбию. Человеку никогда не уйти от этого вызова, будоражащего разум и постоянно порождающего в последнем скепсис после сооружения очередного искусственного островка знания в естественном океане незнания. Уважается лишь то знание, которое знает свои пределы, разделяющие его с незнанием.

2. О первоистоках незнания

Самый принципиальный источник незнания заключён в нашем непонимании мироздания в целом и в частностях его отдельных скрытых истин. Не понимая латентные истины мироздания, наш разум принципиально не может его знать. Здесь наука бессильна. У познания остаются последние точки опоры – философия, теология и искусство (прежде всего, поэзия).

Далее систематизируются другие, менее важные и в чём-то лежащие на поверхности первоистоки незнания. Во-первых, мы не знаем (и вряд ли познаем) самих себя, оставляя безответным древнегреческий призыв «Познай самого себя!». Как мы можем познать себя, если доньше не можем толком познать свой орган познания – мозг?! Нет, анатомию и физиологию мозга мы себе представляем неплохо. Но психику, сознание, идеальную природу личного «Я», творческие возможности мозга, т. е. его душевные и духовные «продукты», их связь с физиологией мозга и моторикой тела – не представляем, несмотря на усилия З. Фрейда, К. Юнга, многочисленных психологов и нейрофизиологов. Незнание «Я» взаимосвязано с незнанием фрейдовских «Они» и «Оно». Ни «Я», ни «Они» не знаем в тонкостях своих телесных организмов, которые сами решают, что им полезно, а что вредно. Ни один из нас толком не знает своей генеалогии, тем более не знает своих отдалённых временем пращуров. Антропология, интерпретируя многочисленные находки костных останков наших далёких предков, их наскальную и пещерную живопись, орудия труда и другие артефакты, способна только на выдвижение гипотез о происхождении человека, о происхождении человеческих рас и цивилизаций [11].

Почему Сократ, столь много знавший и поучавший своим знанием земляков-афинян, в конце концов заявил, что он ничего не знает? Может быть, от мудрости? Не она ли дала основание многочисленным агностикам всех времён и народов после Сократа и вслед за ним утверждать нечто подобное не только в философии, но также в науке и теологии? На поставленные вопросы утвердительный ответ один – да, мудрость. Мудрость – один из важнейших первоистоков незнания (как это ни парадоксально), в отличие от (по)знающего

ума. Незнание – трудная ситуация как для ума, так и для мудрости. Ум учёного старается преодолеть эту трудность, а мудрость философа старается в неё не попасть. Мудрец понимает бессилие ума познать то, что просто не его (ума) дело.

Действительно, нашего ли рационального ума дело – безграничность пространства и вечность времени? Можно ли их представить, а главное – зачем? Рационального ума недостаточно, чтобы объять безграничность и вечность: «нельзя объять необъятное». Понятия безграничности и вечности объединяет философско-математическое понятие «бесконечность пространства-времени». Математика имеет дело, как правило, с количественными понятиями. Но понятие бесконечность, скорее, качественное, нежели количественное. Оно служит только для дискурсивного противопоставления понятию конечности пространства-времени. Математический знак бесконечности ∞ абстрактен и не означает никакой алгебраической величины или арифметического числа. Бесконечность ∞ больше любого положительного числа, больше любой величины, например, объёма Вселенной. И только в этом её математический смысл⁴. В алгебре считается дурным тоном писать $x=\infty$ или $y=-\infty$; надо: $x\rightarrow\infty$, $y\rightarrow-\infty$ или $\lim x=\infty$, $\lim y=-\infty$.

Соответственно, безграничность и вечность – понятия качественные, сугубо философские, а не научные. Эти понятия иррациональны. Тогда зачем же наука рвётся к тайне безграничного и вечного мироздания? Что потеряла она в бездонной пропасти этой иррациональной тайны? Рациональная наука на такие вопросы ответить бессильна, даже используя самый виртуозный аппарат математики – этой «философии науки». Вопрос «зачем?», скорее, – теологический вопрос веры, обращённый к нашему идеальному началу (подсознанию, душе, духу, интуиции). Идеальное начало в человеке, жаждущее откровений истины, не может удовлетвориться правдой достигнутого знания действительности, не может безропотно принять объяснение предметов и явлений вместо их понимания. Поэтому, полагаю, наше идеальное начало всегда озабочено незнанием истин и постоянно тревожит мозг непознанными иррациональными тайнами.

Апологетам рациональной теоретической науки свойственна вера, что с помощью своих теорий они приоткрывают завесу, скрывающую эти тайны. Вот только доказать истинность этих теорий так, чтобы им поверили все, не могут и не смогут. Так чем же эта вера отличается от иррациональной религиозной веры в Бога? Мудрец, взирая на подобные усилия рациональной науки, понимает бесплодность такой «суеты и томления духа» и смиряется с незнанием тайн, недоступных разуму. Интересоваться тайнами идеального бытия не возбраняется ни учёному, ни мудрецу, но открывать эти тайны непозволительно, даже если они иногда чуть-чуть приоткрываются учёным, самым озабоченным своим незнанием.

Человек – часть природы, а потому идеальное начало в нём не случайно – оно свойственно всей природе. Более того, зримое (ощущаемое) нами ма-

---

⁴ В математике есть и другие качественные понятия, подобные понятию бесконечности. Например, понятие «множество», которое автор теории множеств Г. Кантор определил как «многое в едином». Такое определение не формализуемо и доступно только интуиции.

териальное мироздание представляется мне вторичным продуктом идеального первоначала.

Например, пространство, наполненное материальными звёздными мирами⁵, представляется нам пустым, но оно не пусто! Его физическая основа – вакуум, представляющий собой сложную самоорганизующуюся структуру виртуальных (читай, идеальных) частиц. Виртуальные частицы при определённых условиях, предписываемых теоретической космофизикой [8; 10], но неподвластных физике экспериментальной, могут превращаться в реальные (материальные) частицы как предтечи материального вещества звёзд, планет, «тёмной материи», «чёрных дыр» и др. Именно из вакуума, согласно современным представлениям, произошли звёздные галактические системы и, в конце концов, жизнь. Виртуальные частицы, условия их взаимодействия через виртуальные (информационные) поля могут быть представлены только в виде абстрактных математических феноменов, как и гипотетические кварки (элементы адронов и, возможно, других микрочастиц), которые не могут быть обнаружены физическим экспериментом – кварки виртуальны, т. е. идеальны, однако в середине 70 гг. XX в. по косвенным (опосредованным) проявлениям они были признаны рациональной физикой как существующие⁶. Итак, материальное (существующее) рождается из идеального (несуществующего) в данном случае по непознанным естественным причинам, но не по божьему повелению.

Согласно одному из основополагающих законов кибернетики, любое действие инициируется идеальной информацией, как любой человеческий поступок побуждается некоторой идеей (идеальным волевым усилием), как тексты или технические изобретения овеществляются предвещающей им идеальной мыслью творцов.

Во многом наше незнание – продукт именно непонимания роли идеального (виртуального), предшествующего всему материальному и лежащего в основаниях материального бытия, как бы это ни казалось кошунственным рациональной материалистической науке. Творящее идеальное, не известное нам извне и не понимаемое изнутри, – terra incognita для этой науки, не желающей включить в сферу своих интересов даже те иррациональные объекты, которые окружают нас, материализуясь в т. н. «чудеса», явленные нашим органам чувств (теле- и психокинез, стигматы, лозоходство, телепатия, ясновидение, программируемый гипноз, озарение, вдохновение и др.) и нашему телу (физические сверхвозможности в экстремальных ситуациях).

Незнание идеального порождает наше неумение пользоваться его информационными возможностями, что рекурсивно питает всё то же незнание. Например, мы практически ничего не знаем об информационном поле Земли и Вселенной, несмотря на обилие публикаций о нём (начиная с «ноосферы» В.И. Вернадского и «коллективного бессознательного» К. Юнга) [3; 6–9]. Это поле, как и все идеальные феномены, нефизично в общепринятом рациональном смысле, ибо не воспринимается современными физическими приборами и

---

⁵ А возможно, и антиматериальными мирами.

⁶ Выскажу предположение, что кварки и есть те самые виртуальные частицы вакуума, которые через некую виртуально-реальную аннигиляцию формируют реальные микрочастицы, становясь их идеальными «строительными кирпичиками».

методами эксперимента, предназначенными для исследования материальных феноменов. В такой же мере нефизичны упомянутые выше космический вакуум и кварки, однако же физики признали их существующими со всеми их латентными и явленными свойствами. На изучение информационного поля (инфополя) наложен негласный запрет, как и на исследование физического торсионного (спинового) поля, связанного с идеальным инфополем, несмотря на экспериментальные подтверждения существования торсионного поля и развитие торсионных технологий [1; 7; 8; 12]. Всё дело в том, что концепции информационного и торсионного полей выходят за ортодоксальные рамки господствующей парадигмы четырёх физических взаимодействий. Полагаю, давно пришла пора науке повернуться лицом к проблемам информационного и торсионного полей, проблеме физического вакуума как возможного носителя информационного поля, дабы в океане незнания появился даже не остров, а целый «континент знания».

Незнание питается также нашим нежеланием поверить в правдивость многих дошедших до нас мифов, сказаний, поэм, трактатов, диалогов о давно минувших событиях, царях и героях, а также в свидетельства Священных Писаний, из которых можно почерпнуть много полезных знаний для истории, археологии, естественных наук. Но академическая наука высокомерно отворачивается от этих якобы «не заслуживающих внимания» первоисточников и тем самым подпитывает своё и наше незнание.

А вот археолог Генрих Шлиман поверил в правдивость поэм Гомера о Троянской войне и откопал древнюю Трою (Илион) на турецком берегу Эгейского моря, нашёл бывшие мифическими клады троянских и микенских (пелопоннесских) царей. Библейское столпотворение в Вавилоне нашло своё научное подтверждение в найденном археологами на месте древнего Вавилона (Ирак) подножии огромного зиккурата (башни), датированного примерно двумя тысячелетиями до н.э. – в полном соответствии со свидетельством древнегреческого историка Геродота, лицезревшего башню в V в. до н.э. Из диалогов Платона «Тимей» и «Критий» человечество узнало о легендарной Атлантиде. Легенда дала жизнь современной атлантологии – междисциплинарной науке на стыке мифологии, археологии, геологии, океанологии, биологии, истории [5]. Неужели реальная Стена Плача и другие воочию зримые и осязаемые святыни Иерусалима, сохранившиеся египетские и индийские пирамиды, индийские и камбоджийские храмы, мегалиты и дольмены, встречающиеся во многих странах, не дают пищу исторической науке, библеистике и др. не для поверхностного, как сейчас, а для тотального научного познания Священных Писаний (включая неканонические книги – апокрифы) и мифологий всех конфессий и народов? Древние мистические и священные места известны на всех континентах и таят в себе массу непознанного. Их исследованием занимаются, как правило, энтузиасты девиантной науки, не признаваемой наукой академической, которая закослела в своей ортодоксии и тем самым усугубляет наше незнание.

Огромный пласт незнания связан с неизученностью и даже игнорированием редких, неповторяемых, непредсказуемых явлений, засекречиванием информации о них. Например, мы практически ничего достоверного не знаем об НЛО и НПО (неопознанных летающих и плавающих объектах) – их происхождении, экипажах, целях пребывания на Земле, технических характери-

ках. И это несмотря на существование вполне осязаемых артефактов их визитов и внушительную статистику документальных свидетельств этих визитов в присутствии многих очевидцев [2]. Официальная наука игнорирует проблематику НЛО и НПО, очевидно, следуя убийственной логике чеховского персонажа: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Имеющаяся информация (а она есть!) засекречена. В результате человечеству отказано знать об инопланетянах, контактах с внеземными цивилизациями (в том числе, о палеоконтактах), технике и технологиях этих цивилизаций. Видимо, сочли, что о данной проблематике человечеству знать не положено во избежание... (чего?).

Один из первоисточков незнания, на котором считаю нужным заострить внимание – языковая неграмотность, которая существенно ограничивает наш кругозор и коммуникабельность. Если публикации на романо-германских языках худо-бедно знакомы мировому сообществу интересующихся гностиков, то публикации на восточных языках (особенно иероглифических) и славянских языках (включая русский) чаще всего неизвестны, игнорируются, замалчиваются, как будто их не существует. А ведь за ними стоят серьёзные научные школы, ценные фрагменты знания. Мы практически не знаем (кроме немногих специалистов) древних языков наших пращуров и потому не можем толком вчитаться в их пиктограммы, клинопись, писаницы, свитки, манускрипты и т. п. Знание языков африканских народов и полинезийцев – вообще экзотика, а ведь за ними – тоже древние культуры, которые мы, если честно, не знаем (в лучшем случае, смутно представляем). В результате – незнание, усугубляемое также современным «потопом» изданий и публикаций как одним из наиболее ощутимых проявлений неуправляемой информационной экспансии, когда проще что-то придумать или открыть заново, нежели искать предшествующие аналоги и прототипы, тем более на незнакомых языках. Автор не откроет секрета, если скажет (вернее, напомним), что любые тексты вызывает полное доверие только в аутентичных форматах. Любая интерпретация даже на языке оригинала, тем более перевод на другой язык в той или иной мере искажают мысли авторов, исключают их незримое интеллектуальное и духовное присутствие, столь важное для восприятия и понимания текстов. Особенно остро эта проблема ощутима в поэзии и поэтической прозе, где даже замечательные переводчики (профессиональные поэты и прозаики) не способны в полной мере передать обаяние языка оригинала и мироощущения автора.

Наконец, незнанию «способствует» краткость человеческой жизни, даже если это жизни библейских Адама и Мафусаила, каждый из которых якобы достиг почти тысячелетнего возраста. Никто из честных учёных и философов в конце жизни не заявил, что познал всё (в лучшем случае – всё, что смог и успел). Для таких людей не знать никогда не было стыдно; они стыдились, не зная, имитировать знатоков, а потому, если делились своими размышлениями и знаниями, всегда изъясняли восторг перед неоглядной и притягательной далью таинственного незнания, постигать которую во все времена призваны следующие поколения мыслителей.

3. О пользе незнания

«Меньше знаешь – крепче спишь». Дополню эту житейскую мудрость: «Меньше знаешь – лучше познаёшь и творишь». Незнание стимулирует познание и творчество.

Считается, что ребёнок мало что знает. Допустим. Но зато скорость восприятия новых знаний у него непрерывно растёт примерно до 4-5-летнего возраста (когда он жадно познаёт окружающий мир), после чего начинает уменьшаться (по мере познания) [4, с. 25]. Если бы мы всё знали, исчезла бы нужда в науке, ибо познавать ей было бы нечего.

Творчество как созидание и открытие нового, прежде неизвестного и непознанного, требует пересмотра устаревшего знания или даже отказа от него в пользу богатой интуиции и воображения. Известно, что Дж. Максвелл в период обдумывания своей электродинамики принципиально не читал публикаций об экспериментальных исследованиях в этой области физики. Л. Ландау в аналогичные периоды творческого подъёма тоже не отвлекался на чтение, а о физических новостях узнавал из уст своих аспирантов. Оригинальные, запоминающиеся произведения искусства не вымучены знанием техники исполнения, а выстраданы вдохновенным сердцем на волне воображения и импровизации.

Авторский текст, усыпанный цитатами и ссылками, якобы свидетельствующими о знании предмета, образно говоря, похож на драную одежду в заплатках, где драная одежда – оригинальная авторская мысль. Возможно, поэтому Л. Витгенштейн в своём «Логико-философском трактате» недвусмысленно отказался от цитирования и списка литературы. «Диалоги» Платона, как и многие манускрипты древности и Средневековья, наполнены авторской мыслью (даже в пересказе чужих мыслей), которая просто не оставляет места для цитирования, столь привычного и даже требуемого в современных текстах.

Многие накопленные человечеством знания были утеряны в веках и попали в сферу незнания, затем в результате научных поисков воссозданы заново и включены в сферу знания. Тем, кто возвращает утерянное нами, мы всегда благодарны. Мы благодарны Ш. Кулону за повторное открытие им закона электростатики, и наша благодарность проявляется в том, что закон по праву назван законом Кулона. Кулон не мог знать, что до него этот закон был открыт Г. Кавендишем, который принципиально не публиковался. А Кулон опубликовал своё открытие и тем стал известен. Н. Винер, придумав название «кибернетика» для созданной им науки об управлении и связи в животном и машине, сознался в своём незнании того, что более века назад А. Ампер уже использовал этот термин. Современный человек заслуженно ассоциирует с понятием кибернетики именно Винера. Секрет изготовления восточной булатной стали ревностно охранялся от посягательств, так что русскому металлургу П.П. Аносову пришлось заново открыть его и тем самым увековечить себя как «отца русского булата». А сколько утерянных и утаиваемых знаний не восстановлено?!

С другой стороны, человеческое незнание по-своему защищает природу от бесцеремонного и пагубного вторжения «незванных гостей» в её таинственные чертоги, если, конечно, человек не лезет очертя голову в неизвестность, полную опасностей. Незнание опасных знаний спасительно для людей,

и нам должна быть понятна озабоченность Архимеда, утаившего от них те свои знания и изобретения, которые он счёл опасными. К сожалению, благородному примеру Архимеда следуют далеко не все учёные и изобретатели, поэтому даже обывателям стали известны опасные технологии изготовления сверхмощного оружия массового поражения⁷, химические технологии в сельском хозяйстве и пищевой промышленности, психотехники зомбирования и оболванивания и т. д.⁸

Опасными для человечества, на взгляд автора, могут быть сведения, попавшие в современные средства массовой информации, падкие на сенсационность и скандальность и не заботящиеся о нравственной «этике умолчания». Незнание о частной жизни людей и социумов благотворно для них, даже если они этого не осознают. Уважающие себя представители богемы не мелькают на «великосветских тусовках» и «корпоративах», в телешоу и Интернет-баннерах; об их личной жизни ничего не известно падким до «клубнички» СМИ. В СМИ практически не появляются новости из Коста-Рики, Лесото, Дании, Норвегии, княжеств Лихтенштейн, Бруней, Монако и др. «малых» стран. Значит, эти страны живут спокойно и благополучно, без сенсационных взлётов и падений, в отличие от тех «больших» стран, которые СМИ постоянно «полощут» без стыда и совести. Такое незнание, неизвестность для сплетников и сплетниц всех мастей следует только приветствовать.

Незнание – первоисток и благо для слепой веры, не нуждающейся в знании, будь то вера в Бога, авторитетного человека, скрижали и письмена, святые мощи и т. п. Тот, кто не желает знать, всему верит, поэтому церковь всегда снисходительна к невежеству. Сакраментальное «верую!» абсолютно и авторитетно, но не обладает принудительной силой. Научное «знаю!» обладает такой силой (через доказательства), но оно не абсолютно и не авторитетно, ибо любое «знаю» может быть ошибкой (заблуждением) и стать объектом критики. Пользуясь свободой выбора, склонный верить выбирает незнание, а Фома неверующий – знание. Ни того, ни другого судить нельзя.

Заключение

Незнание питает нашу духовность для поиска знания, а знание питает нашу телесность для полезного действия. Если человек знает, что он не знает, он стремится знать и самосовершенствуется, чтобы потом использовать полученное знание себе и обществу на пользу. Если человек не знает, что он не знает, он стремится действовать без должного знания. Такая деятельность напоминает бессмысленное блуждание в дремучем лесу в поисках дороги к жилью.

Незнание можно уподобить бесконечной беговой дорожке, уходящей за горизонт. Бегуны – мыслящие люди – передают друг другу эстафетную палочку знания. И хотя дорожка незнания ведёт незнамо куда, а палочка с каж-

---

⁷ А. Эйнштейн, узнав, что его исследования привели к созданию атомной бомбы, заявил, что предпочёл бы быть слесарем, а не учёным.

⁸ В Интернете на запросы «как собрать атомную бомбу в домашних условиях» «психотехника зомбирования» откликается множество сайтов. Не следует путать опасное знание со знанием опасности типа «не влезай – убьёт!».

дой передачей тяжелеет, бегуны не отчаиваются, ибо знают, что после очередного этапа эстафету примут другие, более молодые и сильные члены команды, имя которой человечество.

Все мы в известной мере оптимисты, пессимисты или скептики по части познания. Для оптимистов знание – несомненное благо, а незнание – вполне преодолимый грех. Пессимисты считают все знания, вместе взятые, иллюзией, «суею и томлением духа». Скептики, уважая знание, придерживаются осторожного библейского суждения «много знания – много печали», а незнание полагают «творящим началом» знания. Но все мы «обречены» на сотрудничество, познавая неизвестное на бесконечном пути познания. Незнание и знание – «неразлучные» враги и «заклятые» друзья, и окончательная победа одного из них над другим недостижима и даже противопоказана каждому. Поэтому мудрое знание должно мирно сосуществовать с незнанием, как с неизбежностью, как жизнь сосуществует со смертью, Нечто с Ничто, порядок с хаосом, бытие с небытием.

Список литературы

1. Акимов А.Е., Шипов Г.И. Торсионные поля и их экспериментальные проявления // Сознание и физическая реальность. 1996. Т. 1, № 3. С. 28–43.
2. Варакин А.С., Зданович Л.И. Тайны НЛО. М.: Рипол Классик, 2001. 449 с.
3. Гроф С. Надличностное видение / пер. с англ. М.: АСТ и др., 2004. 237 с.
4. Дружинин В.В., Конторов Д.С. Проблемы системологии. М.: Советское радио, 1976. 296 с.
5. Жиров Н.Ф. Атлантида. Основные проблемы атлантологии. М.: Вече, 2004. 512 с.
6. Казначеев В.П., Трофимов А.В. Научные итоги глобальных экспериментов по изучению информационного поля Земли. Новосибирск: Институт общей патологии и экологии человека СО РАН. Препринт, 1994.
7. Лесков Л.В. Пять шагов за горизонт. М.: Экономика, 2003. 262 с.
8. Лесков Л.В. Неизвестная вселенная. М.: ЛКИ, 2008. 232 с.
9. Утияма Р. К чему пришла физика / пер. с яп. М.: Знание, 1986. 223 с.
10. Шипов Г.И. Теория Физического Вакуума. М.: НТ-Центр, 1993. 362 с.
11. Эйдельман Н.Я. Ищу предка. М.: Молодая гвардия, 1967. 254 с.
12. Nehl F. Spin and Torsion in General Relativity // Foundations. GRG. 1973. № 4. P. 333.

THE NON-KNOWLEDGE PROBLEM

V.B. Gukhman
Tver State University, Tver

The origin of the problem examined in the article's format is the following: knowledge belongs to the sphere of revealed facts, while non-knowledge exists in the domain of latent truths. Sources of non-knowledge: the impotence to know ourselves and what is not our business; misunderstanding and ignoring the ideal (virtual) beginning in the material nature and its information possibilities, mythologies and scriptures, rare phenomena; language illiteracy and shortness of life. Non-knowledge is the eternal enemy of knowledge, victory over this enemy is unattainable and contrary to knowledge nature. Knowledge must coexist peacefully with non-knowledge as with inevitability, which brings not only harm, but also profit: the cognition and creativity stimulating, protection from dangerous knowledge, tolerance to blind faith..

Keywords: *non-knowledge, knowledge, truth, understanding, creativity, virtuality, ideal.*

Об авторе:

ГУХМАН Владимир Борисович – доктор философских наук, профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: gukh39@yandex.ru

Author information:

GUKHMAN Vladimir Borisovich – PhD, Professor of Social Science Dept. of Tver State University, Tver. E-mail: gukh39@yandex.ru